

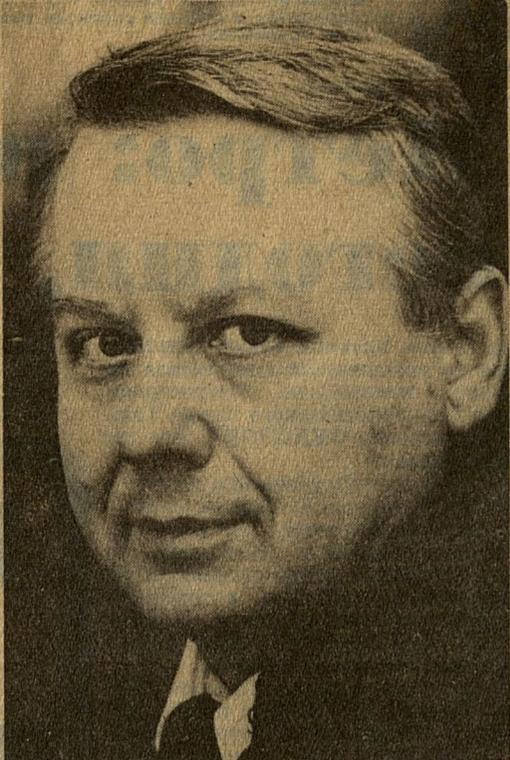
**Встреча с интересным
человеком**

**Народный артист РСФСР,
лауреат Государственной
премии СССР
Олег Павлович ТАБАКОВ**

Совсем молодым, будучи студентом школы-студии МХАТ, он впервые снялся в кино. Затем — «Современники», годы и годы напряженной работы в театре и кинематографе, режиссура, педагогическая деятельность...

Конечно же, он изменился с той давней поры, когда приехал в Москву из Саратова. Но сохранилось в Олеге Табакове главное — внимание к человеку, подлинный демократизм интеллигента, отзывчивость, доброта. В беседе со мной Табаков не просто отвечал на вопросы. Он словно оглядывался на прожитое, пережитое им в искусстве, о чем-то говорил с горечью, о чем-то — светло, с надеждой...

Сегодня народный артист РСФСР О. П. Табаков — известный драматический актер, режиссер, педагог, выпускавший в ГИТИСе курс и создавший из него студию, которая с успехом показала зрителям свои спектакли. Со своими учениками он старается создать новое театральное дело — с принципами, которые считает необходимым исповедовать в театре. И очень верит в успех задуманного.

НЕ ОСТАНОВИТЬСЯ В ПОИСКЕ

— Спектакли в «Современнике», кино, телевидение, радио, занятия с актерами и выпуск спектаклей в созданной и руководимой вами студии... Дома-то вы часто бываете?

— Случается. Недавно попал, например, на свадьбу сына Антона... Он заканчивает ГИТИС, тоже избрал профессию актера.

— Вы довольны этим обстоятельством?

— Подождем. Отвечу на ваш вопрос, когда сделает он что-то значительное. Пока, как любой отец, одно скажу: пусть ему достанет сил выстоять в нашем нелегком деле.

— Пожалуйста, немного о себе. Что послужило толчком к вашему выбору?

— В детстве зафиксировал, что могу подражать, показывать кого-то, и «жертвы» мои почти всегда угадывались. Это доставляло мне огромную радость. Наверное, здесь началось к тому, что приносит радость.

Родился в семье врачей, и почти все мои родственники посвятили себя медицине. Но подозреваю, что случилось это отчасти потому, что многие из них сознательно подавали в себе страсть к театру. Например, мама и бабушка со стороны отца были великолепными рассказчицами в лицах, а бабушка еще и очень смешно пела различные песни. А вот со сценой разминувшись. Я оказался слабым звеном в этой цепи сопротивления. Все, что мои родные и родственники успешно подавали в себе, спрессовалось во мне и вышло наружу. Не случись этого со мной, все равно, думаю, с кем-то после меня — пусть во втором, третьем колене — случилось бы.

— Ваши первые работы в театре и кино уверили нас в том, что Табаков — идеальный исполнитель людей передовых взглядов. И как-то незаметно для всех вы «подобрались» к таким ролям, как Крамов в «Открытой книге», Обломов... Это что, сознательный переход к ролям много плана или превратности актерской судьбы?

— Ни то и ни другое. Превратной мою судьбу едва ли можно назвать, скорее — наоборот: она была и остается стабильной и естественной. Во всяком случае, время никогда не выталкивало меня и, выражаясь футбольной терминологией, я ни разу не оказывался в положении «вне игры». О сознательном переходе вообще едва ли можно говорить: не мы, актеры, выбираем, а нас выбирают. Актер всегда сознательно стремится к разнохарактерности, и тут действительно приходится уповать на фортуна.

Мой переход на роли... нет, не отрицательные, а более, что ли, многозначные в плане характерности, в плане постижения каких-то ранее не встречавшихся мне ни в театре, ни в кино душевных сложностей в человеке — это, видимо, естественный результат времени (мы ведь взрослеем понемногу, седем и так далее), результат некоторого накопившегося профессионального да и житейского опыта. Отсюда — и увеличение доверия режиссеров. Но, уверяю вас, прийти к этому было не так легко, как может показаться, потому что опыт в любом, к слову сказать, роде человеческой деятельности — это всегда двойное постижение. Дела в себе и себя в деле. (После паузы). Вообще же... лучше один раз хорошо сыграть так называемого отрицательного героя (хотя абсолютного такого нет, человек — система сложная, каждый человек — это способ существования на земле), чем тиражировать средние сыгранные так называемых положительных персонажей. Самое интересное в нашем деле — поиск характерности, правды, импровизации в этом поиске. Ведь что такое импровизация? То же размышление. Упрощать человеческую личность — значит, рассказывать зрителям полуправду о человеке. Значит, упрощать проблемы, стоящие перед человеком и решаемые им.

— Наверное, в связи с тем, что вы сказали, есть у вас какие-то конкретные предположения, мечты?

— Мечтаю сыграть Иудушку Головлева, Ариарда Третьего, толстовского Акима, Ивана Африканыча из прекрасной повести Василия Белова «Привычное дело»... Как видите, это все совершенно различные, порой полюсные персонажи. Но не только поэтому я называл их. Главное — пытаться говорить с людьми о времени, в котором мы живем, о том, что обитает в душе каждого, в твоей собственной душе.

Я хочу вернуться к вашему предыдущему вопросу, потому что он, так сказать, «больной» не только в чисто профессиональном плане, но и в общечеловеческом. Понимаете, стереотип в жизни — это немисливо, это отвратительно. Стереотип — остановка в естественном развитии, в естественном стремлении каждого — каждого! — человека к совершенству. Стереотип в искусстве — смерть для художника.

— Вы очень точно заметили, что стереотип в жизни — это остановка в творческом развитии. Что же касается вашей профессии, то, как это ни парадоксально, невольными создателями стереотипа выступают иногда... ваши же коллеги.

— ?..
— Хочу привести вам одно высказывание нашего известного актера и режиссера. «Я очень хорошо помню случай, когда прекрасный актер, которого с самой его ранней творческой поры все мы привыкли видеть в ролях положительных, в образах, несущих светлые мысли, идеи, чувства, вдруг появился на экране в роли матерого фашиста. Нет, он не «завалил» роль, а лишний раз подтвердил свою одаренность, талант. Но я глубоко убежден, что эта роль, которая не стала заметной в его послужном списке, была той непоправимой крайностью, которая могла нанести ощутимый ущерб гражданской теме этого актера». Извините, но я сильно подозреваю, что сказано это про вас, конкретно — про исполнение вами роли Шеленберга в телефильме: «17 мгновений весны». Прокомментируйте, пожалуйста, приведенное утверждение.

— Что ж тут комментировать? Мне остается лишь недоумевать, что такое утверждение исходит... от актера. Вы знаете, рассказали мне как-то об одном случае. В некоей стране пришел к врачу пациент. Он был недавно оперирован, но вот болезнь вновь дала о себе знать. Врач осмотрел больного и сказал: «Какой... (последовало бранное слово) вас оперировал? Ладно, приходите через два-три дня, назначим все сначала». А через день у этого врача отобрали на два месяца патент на право практиковать. Знаете, за что? За неэтичное высказывание в адрес коллеги. Такой закон там существует. По-моему, хороший закон. Поймите меня верно: мое недоумение не перемешано с личной обидой. Я о другом. Требовательность в нашем деле должна быть в обязательном союзе с благожелательностью. Как, впрочем, в любом деле. Наверное, вы как журналист хорошо понимаете меня. А уж в коллективном труде без доброты и понимания человека едва ли можно чего-то достигнуть.

Что же касается конкретного роли Шеленберга... не знаю, не могу судить о том, как получилось, но для меня это была важная работа. Важная потому, что надо было сыграть такого врага, каким он был на самом деле, а не того, каким его часто до этого изображали. А враг был сильным, расчетливым, умным. Иначе непонятно, почему под сапогами фашистов оказалось столько европейских стран. Непонятно, почему мой отец воевал почти четыре года. Почему погубило 20 миллионов наших людей. Я старался сыграть врага серьезного. Восве не претендую на какую-то исключительность исполнения этой роли, я тем не менее считаю для себя совершенно возможным выступление в ролях подобного плана. А приведенное вами утверждение моего коллеги несостоятельно. Думаю, ни один актер с ним не согласится.

В принципе же, какую бы роль ни сыграл актер, он всегда работает на идею произведения, вскрывает его главную мысль.

Не знаю, насколько убедителен мой комментарий, но думаю я так.

— Олег Павлович, в спектакле «Всегда в продаже» вы сыграли... женщину, буфетчицу. Что, в театре не нашлось актрисы на эту роль?

— Ну, во-первых, в том, что сыграл жену, не вижу ничего из ряда вон выходящего. Аналог в истории театра много. «Шалили» этим знаменитый Степан Кузнецов в Малом театре, Варламов...

Почему сыграл? Режиссер назначил. Эту роль мог бы играть и Евстигнеев... Когда я болел,

буфетчицу играла Галина Волчек, которая, между прочим, выходила, случалось, на сцену... и в мужских ролях. Вообще, в нашем деле самое интересное — поиск, фантазия, импровизация. А женщина — всегда клад для поиска и импровизации. Это всегда, выражаясь словами поэта, «езда в неизвестное»...

— Слышал, что, однажды спектакль «Провинциальные анекдоты» был для вас очень трудным...

— Было такое. Вообще ремесло актера в известной мере сродни солдатской службе. Когда я думаю о достоинствах нашего дела, то отдаю немалую дань долгу. Можно было бы привести много примеров исполнения актерами своего долга, хотя о том почему-то не принято ни рассказывать, ни писать. Другие профессии, к слову сказать, находятся в этом смысле в более привилегированном положении.

Я знаю, например, что однажды известный и любимый зрителями актер играл в комедии, да так играл, что присутствующие в тот вечер на спектакле покатывались со смеху. И только на следующий день мы узнали, что за час до начала спектакля на руках у этого актера умер отец. Разве не подвиг совершил мой коллега? А разве не подвиг совершил в свое время Евгений Урбанский, погибший, как говорится, при выполнении задания? А жизнь, судьба режиссера Владимира Склубина, снявшего такие прекрасные фильмы, как «Жестокость» и «Суд»... Он был парализован, малейшее движение вызывало непереносимую боль. Но никто не слышал даже стонов. Он снимал, снимал, зная, что умирает. Он выполнял свой профессиональный долг. Он совершал подвиг, не думая об этом. А Николай Афанасьевич Крючков, сломавший на съемках «Суда» ногу, но на следующий день разрезавший гипс и продолжавший сниматься... В конечном счете поступки — это не только верность делу, профессиональному долгу, это нечто большее...

— Так что же случилось с вами на спектакле?

— Приступ люмбаго.

— Извините...

— Одно из провончаник остеохондроза двигатели. Невозможность двигаться. То есть двигаться можно, но боль при этом сильную чувствуешь.

— И как же?

— Играл. А что делать? Зритель-то ведь не виноват.

— Олег Павлович, а однажды читал, что и по признанию критиков, и по вашему собственному признанию, вы не оказались бы чужаком в цирке, оперетте. Что делали бы вы в цирке, например?

— Предложили бы — занялся клоунадой.

— А в оперетте?

— Наверное, играл бы комических стариков, кого ж еще?

— Ваш сегодняшний день? В кино закончил сниматься в картинах «Незваный друг» (в этом фильме последнюю свою роль сыграл Олег Даль) и «Все наоборот». Начинаю сниматься в организации «Доходного места». Режиссер Маргарита Микаэлян предложила мне роль Юсова.

— Продолжите ли вы педагогическую работу?

— Мне предложили преподавать в театральной академии Хельсинки. Скоро уеду в Финляндию.

— Чем увлекаетесь в свободное время?

— Чтением. Недавно прочитал «И дольше века длится день» Айтматова, «Лад» Василия Белова. И одновременно читаю поэтические сборники — Давида Самойлова, Владимира Соколова, новый сборник критических статей Бориса Панкина.

— И последний вопрос. Я всегда спрашиваю у своих «последственных» о курьезах, случившихся в их жизни.

— О, этого добра было хоть отбавляй. Ну вот хотя бы... Нет, этот пропустим... Лучше это... Нет, пожалуй, и этот случай пропустим. Вот самый безобидный. Как-то на гастролях в Казахстане подошел ко мне старик и, крепко держа руку, сказал: «Хороший ты артист, товарищ Олег Табаков, только плохой! Чего... на женщину похож? Что, действительно похож? Как вы считаете?»

— А если я скажу, что... есть немного?

— Тогда почему вы удивились, что я играл буфетчицу?

Беседу вел
Л. ДНЕПРОВСКИЙ.